

— Угу, — спокойно кивнул Инь Яньцзюнь. — Раз уж юный господин чувствует себя неважно, молодой доктор Ци попросил меня осмотреть ваш пульс.

Услышав это, Сюй Яньцин слегка приподнял брови. Ци Чэнь и впрямь стоил того, чтобы звать его другом — чуткость у него была просто поразительная. Однако сейчас он и сам до конца не разобрался в собственных ощущениях, поэтому лишь указал на место перед собой:

— В таком случае благодарю, Даосский Наставник Сюаньчэнь. Но у меня сейчас есть кое-какие дела — не затруднит ли вас немного подождать?

Попросить кого-то проверить твой пульс, а потом заставить ждать — на такое мог решиться только кто-то с такой же толстой кожей, как у Сюй Яньцина. Однако вчерашний ливень размыл дорогу в город, а небо едва успело проясниться, как вновь сгустились тучи. Похоже, Инь Яньцзюнь с спутниками всё равно не смог бы уйти, даже если бы захотел.

Инь Яньцзюнь нисколько не обиделся на невежливость юного господина. Он спокойно подошёл, опустился на колени и сел перед ним.

На столе валялись какие-то бумаги — одни пустые, другие испещрены непонятными линиями. Инь Яньцзюнь бросил на них беглый взгляд.

Даосский Наставник Сюаньчэнь ничего не говорил — просто сидел напротив юного господина и молча наблюдал, как тот занят делом.

Утром Сюй Яньцин уже один раз стошнило, но сейчас, ощущая лёгкий, чистый аромат, исходивший от наставника Сюаньчэня, он, напротив, чувствовал себя на удивление спокойно и легко.

Он держал в руке линейку собственного изготовления и чертил шаблоны на бумаге. В своё время он всерьёз увлёкся механическими часами, даже обходил блокировки и лазал по зарубежным сайтам, чтобы смотреть, как настоящие мастера делают их вручную, — и научился вносить собственные изменения.

Впрочем, сейчас всё равно делать было нечего. Кроме еды и сна, единственным способом скоротать время оставалось чтение. Истории из книжной коллекции Ци Чэня он почти все уже прочёл, так что сборка механических часов была вполне подходящим занятием.

Сюй Яньцин знал все данные и спецификации наизусть, так что чертил быстро. Вскоре один из чертежей уже был готов.

Но в работе юный господин был немного небрежен: его рука задела чернильницу, и та покатила к краю стола.

Инь Яньцзюнь среагировал молниеносно — успел поймать чернильницу до того, как она упала. Увидев, что юный господин пользуется угольным карандашом и кисти с тушью ему, похоже, не нужны, он поднялся, аккуратно отнёс кисти, тушь, бумагу и чернильницу к подоконнику, а сам взял чистый лист бумаги, сел у окна и принялся переписывать сутры.

Один был занят чертежами, другой — переписыванием сутр. Никто никому не мешал, и в комнате воцарилась редкая гармония.

Прошло довольно много времени, прежде чем Сюй Яньцин закончил все чертежи. Он собрал бумаги и, подняв глаза, увидел, как Инь Яньцзюнь сидит у окна и переписывает сутры.

На улице вновь начался дождь. Не такой сильный, как прошлой ночью — лёгкий, мерный. Капли постукивали по крыше, словно небо играло свою музыку — умиротворяющую, неспешную.

Сюй Яньцин подпер щеку рукой и, склонив голову, посмотрел на Даосского Наставника Сюаньчэня у окна. Наставник, погружённый в переписку, выглядел особенно привлекательно. Его черты были спокойны, словно он сошёл со страниц сказаний — доброжелательный, возвышенный, не запятнанный мирской суетой.

Он пристально смотрел на него, и тело Инь Яньцзюня чуть заметно напряглось. Его ресницы дрогнули, но он всё же закончил строчку, над которой трудился, и только тогда поднялся и вернулся к столу, вновь усевшись напротив юного господина.

— В дождливую погоду так и тянет спать, — проговорил Сюй Яньцин, чувствуя лёгкую сонливость. Он лениво моргнул, глядя на молчаливого даоса: — Наставник, не хотите взять мой пульс?

Инь Яньцзюнь опустил взгляд и ненадолго задумался, после чего положил правую руку на стол:

— Если юный господин мне доверяет, прошу положить запястье сюда.

Сюй Яньцин уставился на эту изящную, белую и мягкую на вид ладонь, и уголки его губ задорно приподнялись. Он коснулся пальцем её центра и медленно провёл, будто лаская:

— Наставник... вы и в самом деле хотите проверить мой пульс?

В глазах юного господина мелькнул неуловимый, трудно читаемый оттенок, когда он продолжил:

— Просто боюсь, как бы Наставник не пожалел, когда уж возьмёте мой пульс.

Юный господин нежно тёр его ладонь — от этого прикосновения она чуть онемела. Ресницы Инь Яньцзюня дрогнули. Он поднял глаза на сидящего перед ним юношу и вздохнул:

— Чего вы от меня хотите, юный господин?

Ему было уже под тридцать, и он ни разу в жизни не был близок ни с мужчиной, ни с женщиной. Этот коварный юноша перед ним — единственное исключение.

Инь Яньцзюнь никогда не влюблялся, да и о любви понятия не имел. Но, глядя на него, он вдруг ощущал какую-то беспомощность — не знал, как с ним себя вести.

— Хотя вы и монах, Наставник, но с такой-то внешностью вас наверняка окружали толпы прелестных девушек. Скажите, не оставили ли вы втайне дома жену с детьми? — Сюй Яньцин вёл пальцем по чётким линиям на ладони Наставника Сюаньчэня, его большие круглые глаза внимательно изучали лицо собеседника.

Вопрос, быть может, был резким, особенно если учесть, что он был адресован монаху. Но в глазах юного господина не было ни тени непристойности или насмешки — только искреннее любопытство.

Инь Яньцзюнь покачал головой:

— Жены и детей у меня никогда не было.

— А наложницы на стороне? — с искренним интересом спросил Сюй Яньцин, чуть склонив голову.

Инь Яньцзюнь снова покачал головой:

— И их не было.

— Ай, какая жалость! — вздохнул юный господин. — Такая внешность, и не передать её сыну... Настоящее расточительство!

Инь Яньцзюнь слабо улыбнулся. Ему доводилось слышать, что дети нужны, чтобы продолжать род или семейное дело, но чтобы рожать их ради сохранения внешности — такое он слышал впервые.

Сюй Яньцин, заметив его реакцию, весело расхохотался, его глаза превратились в тонкие дуги, как месяц. Он поднялся и с ленцой уселся рядом с человеком, похожим на бессмертного из сказки — как озорной дух, соблазняющий небожителя. Сел так близко, что их плечи едва не соприкасались.

— Тогда, Наставник... а вы бы хотели ребёнка? — Сюй Яньцин подпер щеку рукой, а другой провёл по выточенному, словно из нефрита, лицу мужчины.

Инь Яньцзюнь тут же убрал руку, которую прежде положил на стол. Его осанка осталась такой же прямой и безукоризненной, как всегда, и, казалось, юноша ничуть его не смутил. Лишь лёгкий румянец на ушах выдавал его внутреннее волнение.

Он не ответил на вопрос, только мельком взглянул на Сюй Яньцина, а затем спокойно отвёл взгляд и снова замолчал.

— Ну и ладно, раз Наставник молчит, так уж будьте добры, возьмите мой пульс! — солёная рыбка устала держать руку на весу и покорно протянула запястье Даосскому Наставнику Сюаньчэню. На её изящном, юном лице появилась лёгкая усталость. Юноша театрально вздохнул: — В последнее время мне действительно нездоровится. Если так пойдёт и дальше, боюсь, домой мне не вернуться...

Солёная рыбка наконец-то всё для себя уяснила: раз уж это альфа-тело, появившееся будто из ниоткуда, и ребёнок у него в утробе так нуждаются в этом человеке, то будет лучше либо удержать его рядом, либо самому прицепиться к нему. В конце концов, ради своей редкой маленькой жизни он должен был дожить до конца беременности — во что бы то ни стало.

Да, план хороший. Жизнь важнее всего!

Кроме того, Сюй Яньцин уже обсуждал это с Ци Чэнем. Сейчас срок чуть больше четырёх месяцев, а ему уже так тяжело — не исключено, что позднее всё станет куда опаснее, и он вовсе не доживёт до родов.

В последнее время Сюй Яньцин отчаянно пытался найти выход, а Ци Чэнь, когда не ел, не пил и не бегал в уборную, часами сидел в своей комнате, изучая древние тексты.

Но возможное решение подразумевало, что ребёнка в нём могут не оставить. Может, так и лучше: он не чувствовал себя готовым к отцовству и был уверен — даже если ребёнок родится,

хорошим отцом он всё равно не станет. А вот если его вырастит Даосский Наставник Сюаньчэнь...

Сюй Яньцин моргнул, вспоминая сюжет оригинального романа, и почувствовал сильнейшую усталость. Ну вот почему этот фасолёк — обязательно один из тех параноидальных второстепенных мужских персонажей?!

Но если он сам сможет выжить, то всегда найдётся способ вытащить фасолёк из этого бредового сценария. Как бы там ни было — это всё же его ребёнок, за которого он боролся и которого носит в себе.

Инь Яньцзюнь спокойно протянул руку, его длинные, мягкие пальцы коснулись бледного запястья юного господина и начали медленно прощупывать пульс.

Спустя какое-то время он внезапно поднял глаза на Сюй Яньцина — в его обычно холодном взгляде появилось едва заметное смягчение. Затем он вновь опустил голову и продолжил внимательно выслушивать пульс.

В этот момент его выражение стало поразительно похоже на то, с каким доктор Ци тогда осматривал юного господина. Только вот внешне Инь Яньцзюнь был куда спокойнее и сдержаннее, чем Ци Чэнь.

Сдержанность этого человека вызвала у солёной рыбки невольное восхищение. Он подумал: Как и ожидалось от императора — выносливость у него действительно потрясающая!

После того как он несколько раз выслушал пульс, Инь Яньцзюнь снова поднял глаза на юного господина. Тот игриво улыбался и рассеянно поглядывал по сторонам. В его прозрачных, словно стекло, глазах промелькнуло смятение.

— Юный господин... — начал было он.

— Угу, я беременен! — закончил за него Сюй Яньцин и хихикнул. — Да, кстати, я ведь так и не спросил: Наставник, вы хотите ребёнка? Если хотите — скажите только слово, и через каких-то пять месяцев я вам его пришлю!

Не увидев никакой реакции, Сюй Яньцин спокойно потянул за рукав даосской одежды Наставника Сюаньчэня. В глазах у него промелькнула озорная искорка:

— Хотя это вовсе не моя заслуга. Наверное, дело в том, что у Наставника природный талант!

В глазах Инь Яньцзюня на мгновение мелькнул смущённый румянец. Он хотел было оттолкнуть руку юноши, вцепившуюся в его одежду, но поднятая рука бессильно опустилась.

— Когда я был юн, меня отравили редким видом любовного яда, — заговорил он тихо. — Он обостряется раз в год... Тогда, той ночью, как раз было очередное обострение. Но у этого яда есть побочный эффект — он делает невозможным рождение собственных детей.

Это был императорский секрет, тайна, которую нельзя было открывать посторонним. Да и сам Инь Яньцзюнь по природе был отстранён и сдержан. Иметь детей ему всегда казалось чем-то несущественным. Но сейчас, оказавшись в подобной ситуации, он вдруг растерялся.

Сюй Яньцин моргнул. Он и не ожидал услышать такую королевскую тайну вот так — запросто. Но, увидев, как застенчиво смутился Инь Яньцзюнь, в нём снова разыграло озорство, и он не

удержался от очередной подначки:

— Вот как... Наставник, выходит, даже с ядом в теле вы сумели зачать ребёнка от юноши вроде меня? Разве это не лишний раз доказывает, какой вы одарённый?

Инь Яньцзюнь не знал, смеяться ему или плакать. Он и представить не мог, что, выложив такой шокирующий секрет, получит в ответ вот такой ход мысли.

Но прежде чем он успел что-то ответить, юный господин опустил голову, приняв обиженный вид:

— Или, может, Наставник сомневается, что ребёнок во мне — от вас?

В сердце Инь Яньцзюня мелькнул укол неловкости. Он помедлил, затем протянул руку и мягко потрепал Сюй Яньцина по голове:

— Я... я не это имел в виду.

Просто он слишком растерялся в тот момент и сам не понял, как сболтнул такое. Вовсе он не сомневался в юном господине.

Сюй Яньцин расхохотался, его изящное лицо впервые за долгое время озарилось искренним, беззаботным смехом. С тех пор как он забеременел этим фасольком, у него ещё не было случая так повеселиться.

Он зацепился пальцем за простой, ничем не украшенный даосский рукав Наставника и лукаво спросил:

— Тогда, чтобы загладить вину, как насчёт того, чтобы Наставник пожил в деревне Сюй ещё немного?

Возвращаться в столицу Сюй Яньцин пока не собирался. Всё-таки столица — место людное и сложное, да к тому же у Наставника Сюаньчэня особый статус. Если об этом узнают посторонние, беспокоятся и отец, и мать, и старший брат.

— Только вот не знаю, не задержу ли я этим государственные дела Вашего Величества?

Инь Яньцзюнь и не думал скрывать от юного господина свою личность. К тому же тот был законным вторым сыном маркиза Уань, с детства жил в столице — не удивительно, что он мог догадаться. Поэтому Инь Яньцзюнь просто слегка кивнул:

— В столице сейчас ничего срочного. Я могу остаться здесь с тобой на время беременности.

— Вот и чудненько, — лениво протянул Сюй Яньцин. — Серьёзные разговоры — это так утомительно...

Он поднялся, потянулся, как кот, и с мягким шлепком рухнул на кровать:

— В дождливую погоду спится лучше всего. Наставник, почувствуйте себя как дома, а я пойду посплю.

Инь Яньцзюнь некоторое время молча смотрел на лежащего на кровати юного господина, потом чуть кивнул, собрал все чертежи, которые тот небрежно оставил на столе. Когда он снова поднял взгляд, Сюй Яньцин уже спал.

—

На дворе моросил дождь. Капли стучали по крыше и всплёскивались в лужах. Те немногие, кому было нечем заняться, сидели под карнизом и вполголоса о чём-то болтали.

Инь Юаньчэн разговаривал с Ци Чэнем и то и дело посматривал на плотно закрытую дверь. Даже когда Ци Чэнь поддевал его, называя "старой мамашей Наставника Сюаньчэня", он вовсе не злился.

Скрип — дверь изнутри открылась. Все взгляды обратились к Даосскому Наставнику Сюаньчэню, который тихо прикрыл за собой дверь.

— Дядя-наставник? — окликнул его Инь Юаньчэн, как всегда, когда они были не наедине.

— Брат Му Юй, — обратился Инь Яньцзюнь, — приготовь, пожалуйста, немного простых лапши. Юный господин уснул — возможно, когда проснётся, проголодается.

На его лице не было и намёка на улыбку, но в глазах читалась мягкая, вежливая забота.

Му Юй сразу же закивал, поспешно встал и пошёл на кухню. Однако, конечно, не мог приготовить просто лапшу — его юный господин любил понасыщеннее, так что придётся ещё что-нибудь обжарить к ней сверху.

Инь Яньцзюнь окликнул Инь Юаньчэна, затем повернулся и направился к себе в комнату. Инь Юаньчэн, хоть и удивился, молча пошёл за ним.

Ци Чэнь наклонился поближе к Вэнь Цзину и с загадочным видом прошептал:

— Похоже, ваш господин теперь уже точно не уедет!

Вэнь Цзин, разумеется, знал об отношениях Его Величества и Юного Господина Сюя. Он взглянул на Ци Чэня, потом снова опустил голову. Хотя слуге и не подобало гадать о помыслах императора, в глубине души он понимал, что тот прав. Просто он не ожидал, что император действительно останется из-за юного господина.

— Юаньчэн, как только распогодится, возвращайся в столицу. Мне же придётся здесь задержаться, — сказал Инь Яньцзюнь, опускаясь в кресло. Затем он достал из рукава два письма. — Передай эти письма министру Чэну из Секретариата и князю Хуай. Они поймут, что я имел в виду.

Инь Юаньчэн молча взял письма и аккуратно спрятал их в рукав. Он был в глубоком замешательстве, но ни о чём не спросил.

Инь Яньцзюнь медленно вздохнул, сердце наполнилось смутной тревогой. Наконец он лишь коротко сказал:

— Спасибо тебе, Юаньчэн, за все твои труды.

Инь Юаньчэн не понимал всей сложности, что стояла за этим взглядом. Инь Яньцзюнь подошёл к окну, долго всматривался в дождь, что капал с крыши. Он всегда был человеком холодным, решительным. Впервые в жизни он узнал, что такое нерешительность. Сюй Яньцин явно не был в него влюблён — всё это лишь ради неожиданно зачатого ребёнка.

И это вызывало в нём жалость к юному господину. Он ещё так молод, недавно шутливо вёл

себя в столице, а теперь, из-за одного случайного инцидента, оказался заперт в крошечной деревне.

—

Спустя примерно час, как и предсказывал Даосский Наставник Сюаньчэнь, Сюй Яньцин, шатаясь, вышел из комнаты и поплёлся на кухню искать еду.

Му Юй как раз закончил обжаривать начинку, а лапша только что была вынута из котла. Аромат моментально наполнил воздух и ударил в нос Сюю Яньцину. Он потер голодный живот:

— Пахнет просто божественно... Му Юй, у тебя кулинария всё лучше и лучше!

Му Юй был в восторге от похвалы юного господина. Он поставил перед ним миску лапши и щедро выложил сверху густую ароматную тушёную свинину:

— Благодарю за добрые слова, юный господин. Кушайте, пока горячее, а то лапша слипнется.

Ароматная лапша с тушёной свининой была в самый раз по вкусу Сюю Яньцину. Порция была как раз такая, как он любил — ни много ни мало. Он продолжал хвалить Му Юя за его заботу, одновременно уплетая лапшу.

— Это по велению Наставника Сюаньчэня, — сказал Му Юй, усаживаясь на низкую табуретку и с довольным видом наблюдая за едой юного господина. — Он велел приготовить лапшу для вас. Так что если говорить о заботе, то он куда внимательнее.

Сюй Яньцин на секунду замер с палочками в руках, а потом словно ничего не произошло, продолжил прихлёбывать лапшу:

— Вижу, ты приготовил много. Сходи, спроси у остальных — может, кто-то тоже захочет.

Как только Му Юй вышел, на кухню неспешно вошёл Ци Чэнь. Он ловко наложил себе миску лапши, подошёл поближе и сел рядом:

— Этот твой Наставник Сюаньчэнь ведь и есть второй отец малыша, так?

«...»

Сюй Яньцин лишь молча покосился на чрезмерно болтливого Ци Чэня:

— В следующий раз, как замечу тебя болтающим с тётушками по деревне, напишу письмо доктору Ци и настучу на тебя.

Вот же... Был талантливый молодой человек, а за полмесяца в деревне превратился в деревенскую сплетницу.

— Не надо! — Ци Чэнь тут же заулыбался и принялся умолять. — Мне просто любопытно, честное слово!

В конце концов, с Сюем Яньцином происходили такие страсти, что никакому романчику не снилось.

Подумав об этом, у Ци Чэня в голове возникла идея. Может, написать книжку с них? Юный господин знатного рода и бессмертный на вид Наставник — идеальная история, точно вызовет

отклик у многих.

Сюй Яньцин увидел выражение его лица и сразу всё понял. Он беззастенчиво собрал себе все кусочки мяса с начинки:

— Цц, всё мясо теперь у меня. Даже не мечтай!

Пресная лапша без начинки была до ужаса безвкусной. Ци Чэнь тут же помрачнел, начал канючить, строить глазки — и в конце концов всё же выпросил ложку мяса.

Инь Юаньчэн тоже подошёл и наложил себе миску простой лапши.

Он бы с удовольствием съел тушёной свинины, но, увы, сейчас изображал даосского монаха и мог только грустно есть вегетарианскую еду. Кто бы мог подумать, что молодой маркиз доживёт до такого?

К счастью, Сюй Яньцин заметил, как неаппетитно он жуёт, и указал на шкаф за плитой:

— Наставник Юаньчэн, вон в том шкафу есть острый соус и маринованные овощи. Всё домашнее. А ещё — на растительном масле, так что можете есть спокойно.

Эта фраза буквально спасла миску пресной лапши Инь Юаньчэна. Маринованная редька оказалась хрустящей и освежающей, а острый соус — ароматным и пикантным. В общем, хоть тушёной свинины он и не получил, но уже чувствовал себя вполне довольным.

На этом этапе его мнение о Сюе Яньцине немного изменилось. Похоже, его сестру всё-таки не до конца обманули — Сюй Яньцин и правда взялся за ум.

А сам Юный Господин Сюй, "великий мастер по поеданию лапши", с тёплым животом и сытой душой, словно вновь обрёл второе дыхание — будто ему в кровь вкололи куриный бульон вместо адреналина.

Оставшуюся лапшу, которую никто не доел, он собрал в миску, поломал палочками и понёс кормить цыплят.

Хотя, по правде говоря, это уже были вовсе не цыплята, а самые настоящие упитанные куры, каждая как на подбор — округлая, блестящая, откормленная стараниями Му Юя.

Сюй Яньцин вывалил всю лапшу в корыто, и куры, не ведая опасности, кинулись на еду. Он облизнул губы и пробормотал себе под нос:

— Ешьте, ешьте, растите быстрее... Вот вырастете, и у меня будет целая гора кур! Одна мысль об этом уже радует душу.

А куры — ни сном ни духом о надвигающемся "апокалипсисе" — дружно продолжали уплетать лапшу. Сюй Яньцин постоял, посмотрел на это зрелище, и, решив, что дальше смотреть скучно, повернулся и, даже не поблагодарив за будущую курятину, пошёл посидеть под навесом.

Инь Юаньчэн, наблюдая за ним, чувствовал сложные эмоции. Убедившись, что рядом никого нет, он сел рядом и спросил:

— Что это за болезнь у тебя такая, что лечиться нужно непременно в такой глуши?

Сюй Яньцин лениво посмотрел на него:

— Да пустяки. Наверное, просто сердце разбито... Не хочу больше в столице оставаться. Там только тоска.

— Разбито сердце? — тут же всплыл в памяти Су Ханьфэн — тот, кто обманул Сюя Яньцина, а потом чуть не обманул и его собственную сестру. И на мгновение Инь Юаньчэн поверил в услышанное. Он нахмурился и с укором сказал:

— Ты ведь не последний человек в столице. Законный второй сын Маркиза Уаня! Как ты можешь так поникнуть из-за какого-то лживого негодяя?

— Эх, ну что поделать, если я с юности падоk на внешность, — со вздохом, наполовину правдивым, произнёс Сюй Яньцин. Видя, что Инь Юаньчэн недоумеает, он пояснил:

— Это значит, что я оцениваю людей по внешности. А Су Ханьфэн хорош собой, вот я и влюбился. Всё надеялся, что если буду к нему добр, он рано или поздно оценит, одумается и вернётся. Кто ж знал, что он на такое способен...

Он вжился в роль страдающего влюблённого до совершенства и даже внутренне похвалил себя за актёрский талант.

Потом медленно обвёл Инь Юаньчэна взглядом сверху вниз. Под ледяным взглядом последнего он с самым серьёзным видом сказал:

— Хотя если так подумать... молодой маркиз ведь тоже весьма симпатичен!

— Абсурд! Полнейший абсурд... — щеки Инь Юаньчэна тут же вспыхнули, он весь покраснел, указал на Сюя Яньцина дрожащим пальцем, но так и не нашёл слов — и, захлопав рукавами, ускaкал прочь.

— Хахаха! — рассмеялся Сюй Яньцин. Дразнить других — это просто райское удовольствие. Он хотел было крикнуть убегающему Юаньчэну ещё пару шуточек, как вдруг заметил стоящего позади...

Даосского Наставника Сюаньчэня — с лицом, ясным, как вырезанным из нефрита, и сдержанным, холодным выражением.

<http://bllate.org/book/12638/1120936>